РАЗГОВОР О КУЛЬТУРЕ

Письмо из Парижа

Предположим, что мы встретились на Елисейских полях и вы спросили меня о современной буржуазной культуре. Ну, что ж! «Следуйте за экскурсоводом», — как обычно говорят те люди в темных фраках, которые дают пояснения в музеях.

Елисейские поля — весьма подходящее место для того, чтобы начать наш разговор и нашу экскурсию. От Триумфальной арки на площади Этуаль до египетского обелиска на площади Конкорд тянется улица, золото которой горит на осеннем солнце. Парижане, размышляя до внешнего века или вместе с ним, помнят, как 14 июля 1919 года под Триумфальной аркой проходила французская армия, которую тогда еще не думали лишать национального характера. С одной и с другой стороны улицы расположены выходы подземного туннеля, по которому можно попасть на станцию метро. Когда-то эта станция называлась Марбеф, по имени малоизвестного генерала; теперь ей присвоено имя Франклина Рузвельта. Это переименование относится к тому периоду, когда находящаяся в самом центре рабочего Парижа станция Комба получила название станции Сталинграда.

С тех пор много воды утекло под мостами Сены, и туристы, приезжающие из-за океана, невольно морщатся, видя имя своего бывшего президента на табличках парижского метро: ведь Рузвельт сотрудничал с «красными»... Но не будем отвлекаться от нашей основной темы, начнем экскурсию...

* * *

На покрытых керамическими плитками стенах старого и унылого парижского метро, столь обветшалого и столь неудобного, много места отведено театральной рекламе. Посмотрим, что показывают сегодня вечером.

В театре Ваграм идет комедия «Зоя». Хозяева этого театра и постановщики проявили особую заботу об... американском зрителе: янки, живущие в Париже и не считающие до того, чтобы хоть немного изучить варварский язык Мольера и Бальзака, могут там взять напрокат наушники, подобные тем, которые используются на международных совещаниях, и слушать эту комедию по-американски: переводчик излагает ход действия на жаргоне Бродвея. Деталь как будто бы мелкая, но символическая: в этом углу Парижа в зрительных залах порою встречаются больше американцев, чем французов. К их услугам приравниваются хозяева театров. Это начинается с наушников и кончается репертуаром: театры на Бульварах решительно американизируются.

Вы спросите: но не будете ли вы любезны сказать, что идет в Большой опере, в Одеоне, во Французской комедии и в Национальной опере в этих замечательных театрах, составляющих гордость национального искусства Франции? Что ж, я отвечаю: в этих театрах ничего не идет. Они уже две недели закрыты... Вы спросите: почему? Сейчас я отвечаю и на этот вопрос.

Верно то, что Большая опера, Одеон, Французская комедия и Национальная опера — эти четыре старейших и значительнейших французских театра, являющиеся собственностью государства и живущие на государственную дотацию, сохраняют в своем репертуаре шедевры нашего искусства. Парижане оное время смеялись над своими классическими театрами и говорили, что они покрылись пылью и слишком привязались к традиции; сегодня в Париже есть основание гордиться ими: деятели государственных театров прилагают поистине героические усилия, чтобы в тех труднейших условиях, в какие они сейчас поставлены, поддерживать огонь национальной культуры.

В прошлом году Большая опера поставила классическую оперу-балет Рамо «Галантная Индия». Однако ее постановка поглотила больше половины тех тощих кредитов, которыми располагал театр на целый год. И вот с тех пор театр ничего нового больше не поставил. Французская комедия также удачно поставила пьесу Мольера «Дон Жуан». Что поделаться? Даже появление ставки командующего атлантической армией около Версаля не смогло убить французского вкуса. Но, знаете, кредиты...

И вот сейчас национальные театры все закрыты. Что за прихоть руководила нашим правительством, когда оно закрыло свои же театры и лишило нашу публику всякой возможности послушать Корнеля и Мольера, Визе и Гюго? Газеты дают такое объяснение: технические работники театров — машинисты сцены, электрики, служащие — потребовали незначительного повышения зарплаты. Однако в настоящее время блокирование зарплаты считается более священным принципом, чем защита национальной культуры. И вот правительство подвергло докату актеров, музыкантов, оформителей, машинистов сцены, уборщиц и закрыло самые дорогие парижские театры. Вот уже две недели длится борьба между коллективами театров и правительством. Деятели театра требуют немедленного возобновления спектаклей. Правительство отвечает: положим, нам не к спеху. А тем временем готовится чистка театров от людей, не угодных их хозяевам...

Так обстоит дело сейчас с защитой национальной культуры...

* * *

Следуйте за экскурсоводом! Вот мы опять поднялись из метро на улицу с другой стороны Елисейских полей. Мы появляемся между безгравитационными рядами стоящих здесь фешенебельных американских машин. Направо — кино. Здесь идет американский фильм, как это видно по афише, на которой изображен мрачный грубиян, угрожающий хлыстом испуганной девушке. Слева — также кино. И здесь идет американский фильм, как позволяет судить афиша, с которой к вам повернулась спящая девица в короткой ночной рубашке, посылающая через плечо механическую улыбку. Запомните цифру: значительно больше трети доходов, полученных хозяевами французских кинотеатров, приходится на американские фильмы.

Немного ниже — еще кино. Здесь идет наполовину французский фильм. Да, только наполовину, потому что это франко-итальянский фильм, — наполовину французский, наполовину итальянский, но... полностью мерзкий. Киноработники горько остряют, что эта система хороша тем, что она спасет национальную сторону может быть и других статей фильма своему иностранному ком-

паньону, в то время как действительным виновником является сама система — лишение искусства его национальных качеств...

* * *

Перед нами бесформенное здание — Большой дворец. Здесь открывается Осенний салон — самая большая выставка картин за год. А что это направо от нас, вот этот ярко освещенный балдахин? Может быть, это трибуна для официальных представителей по случаю какого-нибудь парада? Нет, по трехцветным шатром находится несколько американских и французских автомобилей, мотоциклов, велосипедов с моторчиками, обычных велосипедов. Женщина за столом продает лотерейные билеты. Машинки — это крупные выигрыши, которые могут пасть на эти билеты. На заднем плане изображен дворец французских королей, откуда парижские жители некогда в один из октябрьских дней 1789 года силой вывели «булочника, булочницу и маленького пекаренка», — так прозвал тогда народ короля, королеву и их наследника; парижане тогда голодали, и когда об этом доложили королеве, она воскликнула: «Полумаеть! Если у них нет хлеба, пусть едят булочки»... На балдахине прикреплены надписи: «Большая лотерея для спасения Версальского дворца». Дело в том, что Версальский дворец разваливается, а денег на ремонт у правительства нет: все ушли на закупку вооружения. И вот представители властей организовали своеобразное попрошайничество и призывают звать: первый выигрыш — американская машина...

Вот как сохраняются, или, вернее, не охраняются, наши исторические памятники...

Это один из сотни примеров. Надо было видеть, как «они» праздновали столетие десятилетия со дня рождения Бальзака и Виктора Гюго. Бальзаку, этому самому крупному романисту нашей страны, самому крупному реалисту поднимавшейся в XIX веке буржуазии, было посвящено лишь несколько более чем скромных церемоний, в том числе... посещение винного погребка и дежурства вина в Вувре под тем предлогом, что там развивается действие одного из произведений Бальзака. Правда, была выпущена книга, в составлении которой приняла участие официальная критика, несколько академиков и поклонников, которые могут наизусть перечислить все места жительства этого великого человека. В этой книге затронуты самые различные вопросы: Бальзак и Англия, Бальзак и коммунизм и т. д., за исключением самых существенных: роль денег в «Человеческой комедии», реализм Бальзака...

А что касается нашего национального поэта, то первым скандалом была приуроченная к его юбилею выставка Фордовского автомобиля на площади Виктора Гюго — на том самом месте, где стоял обитый вашистами памятник, а последнее слово было сказано патентованным юмористом, который ежечасно выступает в самой реакционной парижской газете — «Фигаро»: «Так как коммунисты тянут его к себе за бороду, — писал он о Гюго, — то мы не удерживаем его за фалды»...

Такова буржуазная критика.

* * *

Следуйте за экскурсоводом! Спустимся вниз по Елисейским полям. Мы приближаемся к самой знаменитой площади. Если бы я считал справедливым назвать какую-нибудь площадь красивейшей в мире, то я бы сказал, что это площадь Конкорд в Париже.

Вот это — министерство военно-морского флота. Вот это — здание банкиров Ротшильдов. А блестящий новизной дворец слева — посольство Соединенных Штатов. Министерство между банком и дворцом тех, кто считает себя хозяевами Парижа, — какой символ!

Перед министерством газетчик продает европейское издание газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», печатаемой в Париже. Американская газета, издаваемая в Париже и окрещенная «европейской», — это тоже символ.

Продем по улице Риволи под арками у зеркальных витрин. Вот американский книжный магазин, вот гостицы для американцев... Ба, вот и французский книжный магазин...

Какой мы купим журнал? Вот «Нувель нувель ревью франсез» — «Новое новое французское обозрение». Вы спросите: почему слово «новое» повторяется дважды, не опечатка ли это? Сейчас все объясняется.

Раньше в Париже выходил журнал «Нувель ревью франсез». Во время вражеской оккупации им руководил Дриэ де Рошель, который сотрудничал с нацистами. Он поклялся с собой, чтобы не быть казненным по приговору правосудия. После освобождения Франции журнал «Нувель ревью франсез», естественно, перестал выходить. Тот журнал, который вы видите в витрине книжного магазина, поразительным образом похож на него: та же обложка с черно-бело-красной каской цвета немецкого флага, то же оглавление на обложке. Этот «новый» журнал и называется «Нувель нувель ревью франсез». Кстати, в этом месяце он опубликовал неизлаченную статью... Дриэ де Рошеля.

А вот журнал писателя Мориака «Табль ронд». Сегодня Мориак пишет передовые статьи в «Фигаро», выдержанные в самом глупом антикоммунистическом и самом примитивном антисоветском духе. Именно за это, а не за свои романы он получил в прошлом году... Нобелевскую премию.

Итак, откроем «Табль ронд». Молодой затюканный романист Франсуа Мориак выражает сожаление по поводу марша буржуазной культуры: эта культура, указывает он, «музизирована» и тонет в «византийский раскоп». Действительно, — добавляет он, — буржуазный роман гибнет, не сознавая того, что кризис языка — это кризис содержания и что он достиг бы всего, стремясь к объяснению реального мира». Таким образом, буржуазный романист в наболевшем буржуазном журнале разделяет мнение прогрессивных деятелей о буржуазном романе. Однако рядом с этой статьей напечатаны очень хвалебные высказывания о мумифицированных, византийских, гнилых и бессодержательных книгах, и на-

писаны они таким искусственным языком, что самый лучший студент Московского университета имени Ломоносова, изучающий французский язык, при чтении этих статей решил бы, что он ни слова не знает по-французски.

* * *

— Бедная Франция! — скажут некоторые. — Твоя культура гибнет...

На это я отвечаю: ни в коем случае! Имейте в виду, что французская культура не имеет ничего общего с тем, что творят реакционеры. Верно то, что с помощью отравленной печати, гнилых книг, разложившегося кино и театра французский народ хотят одурманить и оболванить. Однако даже Нурисье в журнале Мориака вынужден признать, что во Франции появились новые люди, которые смеются над этой псевдокультурой.

Правда, наша кинематографическая продукция еще незначительна, и она не всегда наделена человеческими чертами фильма «Адрес неизвестен» или шестью кинокартинами «Фанфан-тюлип». Но французы все больше предпочитают собственную кинематографию заокеанской. В 1947 году американский фильм смотрели во Франции 7 зрителей из 10, в 1948 году — 6, в 1950 году — 4—5, в 1951 году — 3 из 10. Этот процент продолжает падать!

Правда, наши паспорта πιшутся теперь уже не на одном французском, нашем языке, но и по-английски, чтобы американской полиции было легче в них при случае разобратся. Но и наши стены говорят теперь на двух языках: они все чаще покрываются надписями, вполне понятными американцам, — «Гуу хуум!» («Убирайтесь домой!»).

Правда, наши национальные театры пока что закрыты. Но если бы вы пошли в одно из воскресений на народное собрание в защиту мира, то вы встретили бы там всех самых лучших парижских артистов и самых знаменитых актрис — от деятелей французской комедии до исполнителей лирических песенок. Исполнители пьес Мольера пьют больше права говорить от имени французской культуры, чем те, кто заставляет замолчать Мольера ради того, чтобы не увеличивать зарплату машинистам сцены.

Буржуазная культура гниет. Это верно. Но, если кто-нибудь вас спросит, кто самый знаменитый художник нашей страны, отвечайте — Пикассо, автор голубя мира, Пикассо — коммунист. Я не знаю, что нам обещает будущий Осенний салон, но я знаю одно: несколько лет тому назад в Осеннем салоне появилась картина Фужеропа, которая поставила вопрос о реализме в живописи. В последующем году на выставке было уже несколько полотен художников-коммунистов, которые свидетельствовали о пробуждении реализма. Потом появилось уже много залов с реалистическими картинами, и это до такой степени возмутило начальникова полиции, что он приказал снять несколько картин. А в прошлом году в Осеннем салоне оставалось уже немного места, занятого так называемым «абстрактным искусством».

И если вас кто-нибудь спросит, какой роман был издан после освобождения Франции наибольшим тиражом, отвечайте: роман Арагона «Коммунисты». Это не значит, конечно, что его читала большая часть буржуазии. Она его игнорировала и... жестоко за это поплатилась.

Здесь мы затрагиваем глубокие причины марша буржуазной культуры. Дело в том, что наука, литература и искусство развиваются лишь путем борьбы нового со старым. Но буржуазия, отказавшись от демократических свобод, зная которых поднимали ныне коммунисты, тем самым отбазала самой себе в свободе познания, в свободе общения и мыслей. Заговорить во Франции о Лысенко — значит быть объявленным врагом правительства и лишиться возможности печататься в буржуазных газетах и журналах, а это значит, что французское сельское хозяйство не может использовать успехи советской науки. Статьи об обезболивании рогов в Советском Союзе расцениваются как подрывная пропаганда, а поэтому французская медицина топчется на месте.

Оказалось достаточным полутора месяцев, чтобы было распродано все первое французское издание романа «Жатва», о котором не писал ни один буржуазный журнал. Его раскупили читатели «Юманите» и «Леттр франсез» — рабочие, прогрессивные интеллигенты, крестьяне. Что же касается буржуазии, то ей этот роман Николаевой остался неизвестен. Но ей неизвестен не только этот роман, взятый сам по себе: она вообще не знает условий жизни колхозов. Роман «Первый удар» Андре Стиля, получивший Сталинскую премию, был распродан более чем в 70 тысячах экземпляров, но буржуазия не знает не только этого романа, но и условий жизни докеров.

Закнувшись в своем невежестве, в своем стремлении ничего не знать из того, что могло бы потревожить ее покой или пойти на пользу ее политическим врагам, буржуазия может создавать лишь культуру без воздуха, без почвы, без реальности — культуру болота.

Недавно на огромном Зимнем водохранилище, том самом, где советские волейболисты в свое время одержали победу на звание чемпиона Европы, было организовано своеобразное шестичасовое соревнование: шестичасовая продажа книг. В зале с белыми веревками, на которых были подвешены маленькие треугольные флажки, создавшие впечатление украшенного флажками корабля, писатели ставили автографы на своих книгах. Здесь были не только прогрессивные писатели, хотя их было большинство; здесь были все те писатели, которые отказались считать французскую культуру умершей. В прошлом году на книжном базаре Национального комитета писателей было продано книг на 5 миллионов франков. В этом году мы приближились к 8 миллионам франков.

Конечно, буржуазная культура гниет. Но французская национальная культура в ее новой форме живет и здравствует. Каждый честный писатель, художник, артист своим трудом, самоотверженностью, подвигом подготавливает победу, которая становится все ближе и о приближении которой уверенности над немощью и растерянностью. Это победа нового над старым.

Андре БЮРМСЕР.

г. Париж, ноябрь.